КРОКОДИЛ

№ 8 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

Рис. И. Семёнова

Без промаха!

АНТОНЕСКУ ПРЕДВИДИТ

Рис. Л. Бродаты

— Близится весна... Пора навострить лыжи!

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. В германских военных кругах заявляют, что русские, воспользовавшись на Украине весенней распутицей и бездорожьем, стремительно преследуют отступающие немецкие войска.

—o—

БЕРЛИН. Главный штаб германской армии ввёл полезную рационализацию в наименование своих военных операций. Если в начале войны они назывались общим термином «кампания», а в связи с сокращением фронта были переименованы в «кампанийка», то в настоящее время штаб счёл более целесообразным именовать эти операции ясно и кратко— «паника».

—o—

ЖЕНЕВА. Как известно, многие немецкие гаулейтеры, бежав из России, остались сейчас без работы. По полученным здесь сведениям, эти гаулейтеры впредь будут называться «гуляйтеры».

—o—

БЕРЛИН. В Германии приступили к очередной тотальной мобилизации ресурсов. В связи с этим специальные бригады обходят квартиры и снимают с окон и дверей металлические кольца и ручки. Кампания проводится под лозунгом «Дошли до ручки».

—o—

НЬЮ-ЙОРК. В беседе с газетным корреспондентом одной нейтральной страны Херст заявил, что слухи о его больших доходах сильно преувеличены. «Мне очень дорого обходятся переводчики, — сказал Херст. — Подумайте сами: ведь 100 процентов материала в моих газетах — это переводы с немецкого».

—o—

ЖЕНЕВА. Швейцарские газеты отмечают, что картина боёв на Украине настолько грандиозна, что от неё трудно оторваться, в частности никак не могут оторваться германские части от преследующей их Красной Армии.

В ЛОНДОНСКОМ СКВЕРЕ

Рис. Г. Валька

— А что Берлин — большой город?
— Как вам сказать, мисс, при последнем визите он мне показался несколько меньше обычного.

НАШИ КОММЕНТАРИИ

ВЕРНОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

В одном из радиообзоров гитлеровский генерал Дитмар сказал, что советская армия «грозит нам уничтожением в самом прямом и примитивном смысле этого слова».

Видать, владеет генерал
Предвидения даром дивным...
Что ж! Пусть не взыщут, коль удар
Наш будет слишком примитивным.
Да! Тем, кто в наш вломился дом,
Могила верная готова.
Мы уничтожим их в любом —
И в примитивном и в прямом, —
Но в самом полном смысле слова!

В ПЫЛУ БОЯ

Германское радио оповестило своих слушателей: «Наши части с таким ожесточением бросились в бой, что русским удалось их окружить».

По радио во все края
Фриц сообщает гордо:
— Сражался так отважно я,
Что мне набили морду!

Л. ВЫШЕСЛАВСКИЙ,
гвардии капитан

Действующая армия.

Формы ради

Иллюстрации Л. Сойфертиса

НА НИЖНИХ полках стояли там и сям ваньки-встаньки, глиняные горшки, лежали дудки, деревянные ложки, вакса.

А на средних и верхних полках, ещё недавно битком набитых товарами, не было ничего: махорку, спички, сахар, и всю мануфактуру, и всех номеров калоши точно вихрем унесло с тех полок. Пустота.

Завмаг, продавцы и кассир приходили в магазин на два—три часа и от нечего делать или играли в домино или пили чай с халвой. Самочувствие у них было расчудесное: покупатели как бы сквозь землю провалились,—безмятежность, блаженство.

Погуторив о том, о сём — о молодой жене председателя райпотребсоюза, о ценах на яйца, на баранину, на лук-репку, о клёве щук и окуней,— продавцы замыкали магазин и вешали на дверь оповещение:

«Закрыт по случаю хлебоуборки».

Понимать это следовало так: кооператоры уложили махорку, спички, чай, сладости, калоши и мануфактуру в ящики и тюки и повезут всё это «к борозде», т. е. туда, где жнут, косят, молотят или пашут, боронуют, сеют.

В те годы это называлось «поворотом к борозде».

И местным органам каждый раз мнилось, что «поворот» этот будет благодетелен во всех смыслах.

И вот идёт, бывало, жатва. Сияет солнце, блещут косы, поскрипывают рыдваны... Жатва — как жатва. Однако всё явственнее чувствуется что-то неладное. Словно шмели кусают вон ту вязальщицу. Вяжет она, вяжет и вдруг вздрогнет и, приладив ладонь к бровям, тревожно озирает поле от небосклона до небосклона. Она не проронила ещё ни звука, она только озирает окрестность, но уже всё звено встрепенулось, поднялось и тоже устремило взоры на запад, потом на север, потом на восток.

А на просёлках топчутся древние дедушки в зимних шапках, няни из детских яслей и многие иные, которым и по закону не положено выходить на полевые участки.

И неведомо откуда — с просёлка ли, где топчутся женщины на сносях, из звена ли Маруси Кващиной или из походной мастерской МТС,— просочилось и потекло с юга на север, с запада на восток жаркое слово:

— Везут!

Тут вам следует знать, что в торгующей сети ещё задолго до ярового сева или до уборки начался процесс накопления и бронирования махорки, спичек, «раковых шеек», калош, марказета и т. п. Так что в это время никакой торговли уже не было, и душа сеятеля, или возчика, или скирдоправа истосковалась по табачку смертельно. Все жнеи и вязальщицы тоже пребывают в крайней тревоге: они весьма опасаются проворонить наступающую весну кооперторговли, когда райпотребсоюз «выбрасывает» таких обворожительных расцветок ситцы и маркизеты, такую восхитительную галантерею...

— Везут!..

Колышутся женщины на сносях. Раздув ноздри, мчатся на рыдванах возчики. Дедушки в бараньих шапках шустро, точно молоденькие, перебирают ногами (им, дедушкам, тоже надобны табак, мыльце и многое другое). Всё движется к изволоку. Сейчас снизу, с моста, на тот изволок поднимется фургон — и тогда флаг поднят, ярмарка открыта и... жатва прекращена часов на пять.

Фургон, весь в пунцовых полотнищах, в пышноцветных плакатах, уже шуршит по настилу моста, уже вздымается на изволок, но...

— Да это же сберкасса!..

И в самом деле сберкасса. Она тоже повернулась лицом к борозде. Два бездельника, сев в фургон, едут с севера на северовосток. Если пожелают того вязальщицы, или скирдоправы, или горючевозы, они, подойдя к фургону, могут узнать, не выиграла ли какая-нибудь из их облигаций.

Кроме торгующей сети и сберкассы к борозде повёртывались и духовые оркестры, и парикмахеры из районного города, и даже бухгалтер Госстраха. У того бухгалтера несколько хриповатый, но вполне мощный бас. И дважды в год — перед яровым севом и перед жатвой — бухгалтер вручал секретарю первичной парторганизации мужественное заявление:

«По примеру прежних хозполиткампаний выражаю согласие мобилизоваться для культиспользования на весь период ответственных полевых работ».

Его мобилизовывали.

На зорях бухгалтер ловил перепелов (у него отменные птицеловные снасти), днём или спал на пасеке или вкушал и пил там что-нибудь такое, а поздними вечерами, когда старательным колхозникам невыразимо хочется отдохнуть и выспаться, он, приблизившись к полевому табору, обрушивал на хороших людей:

«О скалы грозные...»

Разумеется, повёртывалась к борозде и избачитальня. Осенью и зимой местные органы почти совсем забывали об избаче, ему не давали ни дров, ни керосина, ни денег, а избу-читальню приспособляли то для перевалочного зернового пункта, то для хранения корнеплодов... И только ранней весной да ещё в июне, когда цветёт рожь, районные органы, принимая развёрнутые постановления, вспоминали об избаче и вменяли ему в обязанность то-то, и то-то, и то-то...

Тогда избач пробирался по остаткам корнеплодов к книжному шкафу и всё, что там только было (первый том «Войны и мира», полного Некрасова, «Общее животноводство», «Капитанскую дочку» и прочее), складывал в два мешка.

И хотя ни один пахарь и ни один косец по причине чрезвычайной их занятости не ощущали настоятельной потребности вот тут же, в борозде, или на привале, наслаждаться классическими творениями, избач и его жена всё ходили да ходили с мешками из табора в табор, с участка на другой и аккуратнейше записывали в тетрадь «культмаршрут библиотеки».

И если кто-нибудь спрашивал председателя колхоза, для чего тут мешки с книгами, председатель тусклым голосом произносил:

— Практически оно, конечно, вроде как и не надо бы, но если подойти политически, то уж тут дело, конечно, другое.

А сам отводил глаза в сторону, и на лице его читалось: «Неужели сами не видите, что чепуха несусветная, что всё это только для формы?..»

* * *

Война...

Формалисты, очковтиратели, вспышкопускатели как в воду канули.

Надо было дело делать.

И уже казалось, что вспышкопускательству теперь крышка навечно.

Навечно? А вот и нет...

* * *

На Ставропольщине уже началось. Начали это «псалтырщики». Так называют в колхозах тех чтчиков, которые формы и отчётности ради опошлили прекраснейшее, насущно нужное дело.

Чтчики приходят на бригадные привалы около полудня, когда колхозники отдыхают после шестичасового и даже семичасового труда. Пообедав и отдохнув, они снова уйдут на поля. Разумеется, чем старательнее трудится человек, тем нужнее ему благостный «мёртвый» час. Но приходят чтчики. Что же, добро пожаловать! Пусть скажут, что нового на земле. А если принесли они важную газетную статью или полезный какой-нибудь рассказ-быль, пусть прочитают. Только коротенько, и чтобы было ясно.

Но чтчики всё читают длиннющее и такое неясное, что, по деревенскому слову, «в голову не ползёт, мимо головы валится...» Например, о каком-то гравёре. Быть может, он хороший человек, этот гравёр, но колхозного пахаря, уже одолевшего полную норму и замыслившего вспахать после обеда ещё столько же, гравюры в данный момент не занимают. Бог с ними!

А в артели «Хлебороб», что в Молотовском районе, чтецы донимали этой весной чтением об огнеопасных грузах и о каком-то Феде из-под Плава.

Этого Федю колхозники прозвали «Федей насмерть», потому что чтица начала читать про него ещё в четверг и читала в тот день до тех пор, пока людей не разбудили на работу. «Завтра продолжим»,—сказала чтица и поставила в книге птичку.

В пятницу, когда она стала искать птичку, чтобы продолжать чтение, колхозники сказали:

— Ты бы нам чего полегче. А это в голову не ползёт.

А чтица и сама знала, что «в голову не ползёт». Ей самой было тоскливо, голос её звучал, как если бы она жаловалась на постоянное недомоганье, на боли в пояснице, в печени и пр. Но форма!.. Но отчётность!.. И чтица всё читала и читала...

В субботу она опять читала про Федю.

Те колхозники, которые привыкли спать на левом боку, лежали к ней спинами и негромко похрапывали.

А. КОЛОСОВ

Рис. М. Черемных

ПИСАНЫЙ КРАСАВЕЦ

— А почему, мама, на дяде тоже написали? На горе места не хватило?

НА ДАЧЕ

Что может быть лучше природы!

Ничего не может быть.

И ясно, что в воскресенье каждого нормального горожанина тянет за город, на воздух, на природу, на дачу.

И ничего нет удивительного в том, что в прошлое воскресенье я решил поехать на электричке в Валентиновку.

И чорт меня дёрнул взять с собой одного своего знакомого, товарища Н. — руководящего работника одного из московских предприятий.

Вопреки всем препятствиям, созданным начальником Ярославской дороги для пассажиров пригородных поездов, мы купили билеты, втиснулись в вагон и через каких-нибудь сорок минут очутились в сосновом лесу.

Пахло смолой, какими-то травами, легко дышалось.

— Какая чудесная природа!..

— Да. Сто процентов сосны, — сказал мой знакомый.

На вершине дерева приятно защебетала какая-то милая птаха и, напуганная нашим соседством, вспорхнула и полетела.

— Смотрите, как высоко полетела птичка!..

— Это ещё не её потолок, — сказал он.

Я плюнул на птичку, и мы пошли дальше.

— Неужели вы не любите и не понимаете природы? — спросил я. — Неужели вы не можете оценить всё это?

— Почему? Она меня удовлетворяет, — сказал он. — И это вполне закономерно.

Мы пришли на дачу. Уселись на веранде, обсаженной молодой рассадой душистого горошка.

— Горошек ещё не поднят на должную высоту, — сказал он.

Почему-то мне сразу же захотелось уйти с веранды.

Мы прошли через сад и вышли к реке. Дул лёгкий ветерок, и какие-то маленькие рыбёшки играли на солнце.

— Какие симпатичные рыбки!

— Плавают по поверхности, — заметил знакомый.

На берегу не было ни одного дерева, и только у излучины реки стояла, склонившись к воде, одинокая горбатая ива.

— Смотрите, — сказал я, — дерево. Как оно неожиданно здесь...

— Да. Оно нетипично для данной местности.

Мы быстро ушли с реки и вышли на полянку, усеянную жёлтыми цветочками лютика. Они горели, как маленькие солнца. Это было очень красиво. Я остановился, залюбовавшись цветами.

— Неорганизованно растут, — сказал он.

В это воскресенье я пробыл на даче полтора часа и уехал.

Теперь в свободное время я всегда буду ездить за город на дачу, но своего знакомого, руководящего работника одного из московских предприятий, я не возьму с собой никогда.

Владимир ПОЛЯКОВ

ОДНАЖДЫ...

РЕДКОСТЬ

Однажды Джордж Вашингтон, путешествуя по стране, был вынужден остановиться в маленькой деревушке в штате Джорджия. Зайдя в таверну, он заказал себе три яйца, съел их, спросил, сколько надо заплатить.

— Сто долларов, — был ответ.

— Сто долларов! — удивился президент. — Должно быть, яйца в ваших краях очень редки?

— Нет, сэр, яйца не редки, но президенты — да.

ГОЛОВА И БОРОДА

Однажды Карл Второй, король английский, будучи в Лондоне, заметил на улице человека с чёрной бородой и седой головой. Подозвав его, он спросил:

— Отчего это у вас чёрная борода, а голова совсем седая?

— Оттого, — ответил прохожий, — что голова на двадцать лет старше бороды.

ОТЛИЧНЫЙ ВРАЧ

Однажды Людовик XIV спросил Мольера:

— Правда ли, что у тебя есть домашний врач? Каков он?

— Отличный, ваше величество! — ответил драматург. — Он приезжает, мы болтаем, он прописывает лекарство, я его не принимаю, он не обращает на это внимания и... я выздоравливаю...

ЗАМЕЧАНИЕ ПО СУЩЕСТВУ

Однажды Булгарин, присутствуя на похоронах журналиста Полевого, хотел нести гроб вместе с друзьями покойного.

— Полноте, зачем вам это? — заметил артист П. А. Каратыгин. — Вы уже и так при жизни довольно его поносили...

ЭКСПРОМТ

Однажды известный артист И. Й. Монахов, увидав, как А. Полонский исполнял роль Репетилова в «Горе от ума» и Гамлета в шекспировской трагедии, сказал экспромтом:

— Друг, не сердись, ведь я
не из зоилов,
А говорю, как искренний
поэт:
В Гамлете ты смешон, как
пьяный Репетилов,
А в Репетилове ты грустен,
как Гамлет!

Путь к бессмертию

СЧАСТЛИВЫЙ обладатель несметного количества веснушек и фантастических грёз, мальчишка лет четырнадцати вихрем влетел в уголовный розыск.

Слегка заикаясь от волнения, мальчишка спросил дежурного:

— Где тут у вас этот... самый главный... Шерлок Холмс?

Дежурный ничего не понял.

— Мне нужен опытный детектив,— разъяснил мальчишка.

Но и после этого дежурный продолжал равнодушно смотреть на мир божий, в том числе и на веснушки юного посетителя.

В это время приоткрылась дверь, обитая чёрным дерматином. Из-за дерматина показалась голова, скупо обсаженная по краям мелкой и колючей растительностью.

— Павел Поликарпович,— обратился к нему дежурный,— вот тут пацан чего-то...

— Мне нужен Шерлок Холмс!—решительно заявил мальчишка.

— Я Шерлок Холмс!—не менее решительно провозгласил Павел Поликарпович.—Прошу!

Очутившись в кабинете, мальчишка вынул из кармана серой тужурочки пачечку каких-то записочек, перевязанных суровой ниткой, и торжественно произнёс:

— Вот! Я напал на след крупного и запутанного преступления! Злодей в наших руках!

Павел Поликарпович сначала внимательно оглядел своего энергичного посетителя, и тому даже показалось, что Шерлок Холмс пересчитал его веснушки. Затем Павел Поликарпович неторопливо вооружился очками в белой роговой оправе и стал просматривать записочки.

Ни один мускул не дрогнул на его мужественном лице. Спокойно, деловито он читал про себя одну записочку за другой. Их было штук двадцать.

Затем, отложив их в сторону, он снял очки и сказал:

— Спасибо, молодой человек. Ясно, что это шифр, молодой человек. Мы разберёмся, молодой человек. До свидания, молодой человек...

Вот что было сказано в этих записочках:

«Катя! Начались холода. Пришли мне тёплые кальсоны. Обязательно сожги эту записочку Игорь».

«Катя! У меня опять сильнейший понос. Пришли английскую соль. Обязательно сожги эту записочку. Игорь».

«Дурёха! Ты по своей привычке напутала и передала Ф. то, о чём я тебя не просил. Обязательно сожги эту записочку. Игорь».

«Ч. просит вернуть ему деньги. Шиш с маслом! Так и скажи ему. Обязательно сожги эту записочку. Игорь».

«Катя, второй день у меня болит живот. А ты где-то шлындаешь до двух часов ночи. Звонил, звонил, тебя дома нет. Обязательно сожги эту записочку. Игорь».

И т. д., и т. п. И в каждом послании таинственные слова: «Обязательно сожги...»

Прошел год. Всеопытнейший Павел Поликарпович так и не напал на след Игоря.

Но я, автор этих строк, напал. И, не откладывая дела в долгий ящик, сейчас же раскрою перед читателем тайну. Внимание!

* * *

Живёт в нашей местности человек по имени Игорь, по фамилии Двоекуров. Сочинил он как-то полторы пьески.

Сочинил и отравился на всю жизнь сильнодействующим ядом самомнения и тщеславия.

Игорь Двоекуров твёрдо решил, что он уже вошёл в историю и обеспечил себе бессмертие.

Он был уверен, что у наших потомков не будет иного дела, кроме как изучать жизнь и деятельность Игоря Двоекурова. Идя навстречу потомкам, он готовил том своих писем к жене.

Надо вам при этом знать, что маститый писатель, считая, что его здоровье принадлежит не ему, а всему человечеству, а потому, будучи другом человечества, большую часть года проводил в домах творчества, в домах отдыха, санаториях.

Отсюда он писал жене такого рода эпистолярии:

«Мой нежный друг, Катя! Ты знаешь, как я люблю природу — леса, долины, цветы, холмы, ласковый шопот ручьёв. Недаром один из героев моей пьесы говорит: «Скажи мне, любишь ли ты природу, и я скажу, кто ты».

Но творческая работа всё время отрывает меня от чар мироздания. Ведь труд, искусство — это главная цель моей жизни. Роясь в своих не опубликованных ещё черновиках, я нашёл характерную для меня фразу: «Скажи мне, любишь ли ты искусство, и я скажу, кто ты».

Я много работаю: пишу и читаю. Учиться, всегда учиться — вот ещё одна цель моей жизни. Сейчас перечитываю некоторые ранние произведения Маркса и поздние произведения Гегеля. Ты же знаешь, как я люблю философию. Недаром в плане моей будущей пьесы есть такое место. Одна старушка говорит своему внуку: «Скажи мне, любишь ли ты философию, и я скажу, кто ты».

Я работаю здесь, вдали от тебя, но твой ласковый образ всегда передо мной. Я знаю, мой друг, как горячо ты любишь меня. Вот почему я всегда твержу: «Скажи мне, кого ты ещё любишь, и я скажу, кто ты»...

Такие вот письма Двоекуров предназначал для истории, и жене велено было самым строгим образом хранить их в комоде, а комод беречь, как зеницу ока.

Одновременно с письмами для истории он посылал жене и деловые записочки, которые, как вы уже знаете, наказывал обязательно предать огню, дабы они не попали к будущим поколениям.

Но супруга, отличавшаяся рассеянностью, забыла приказ мужа и хранила его записочки в сумочке. И где-то (точно не знаем, как это случилось) выронила их.

А мальчишка, счастливый обладатель несметного количества веснушек и фантастических грёз, случайно нашёл эти записочки.

Льщу себя призрачной надеждой, что эти строки дойдут до этого милого паренька и он наконец успокоится: на след-то он действительно напал, но не на след злодея, а на человека, который тщетно пытается наследить в истории.

Г. РЫКЛИН

ЛЕТНИЙ ПЕЙЗАЖ

(Некоторым деятелям городского транспорта с благоговением посвящается)

Был набит автобус туго:
Люди в брюках, люди в платьях
Пребывали друг у друга
В принудительных объятьях.

Тесно, тошно, душно, потно,
Льнут ко лбу кудрей волокна,
Но закупорены плотно
Все автобусные окна.

Тут бы даже и сам лев,
Что по джунглям рыщет,
Окачурился, сомлев,
В этой духотище.

Бюрократ — и то бы сник,
Сентиментов чуждый,—
Так пойми ж, автобусник,
Человечьи нужды!

Не дышать мы рады б, но
Повелось от веку,
Что дыханье надобно
В жизни человеку.

Я. САШИН

НА ВСЕ СТО

Рис. Ю. Ганфа

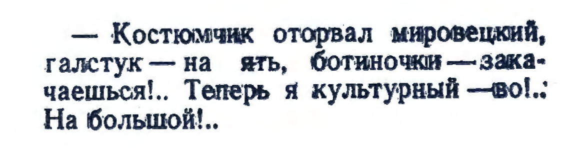

— Костюмчик оторвал мировецкий, галстук — на ять, ботиночки — закачаешься!.. Теперь я культурный — во!.: На большой!..

Рис. И. Семёнова

Некоторые руководящие районные работники сдают свой личный скот на откорм в колхозы.

Нахлебники.

Треволнение

Конечно, военные товарищи, может, будут надо мной смеяться. Но я-то сама не военная и не морская... А просто женщина мирного времени. Пистолет и то я только в театре видела. Да и там, как артист из кармана его вытащил, я тут зажмурилась и со страху ну щипать соседа по креслу.

Это я к чему? А вот к чему: на той неделе у нас в квартире произошло такое треволнение, что я считаю, вроде я и сама на фронте побывала. По сию минуту трясусь вся, чисто студень или заливная щука.

А дело вышло так. К одному из наших жильцов, к Носухину, приехал племянник, лейтенант, весь в медалях, с бывшего фронта, из самого Берлина. А Носухин аккурат на службе, комната его всегда на запоре. Ну, мы объяснили лейтенанту, что придётся ему обождать. И пригласили на кухню, чтобы угостить чаем как нашего защитника.

Кто чай засыпал, кто сахар притащил, кто мармелад. А Марья Павловна с Анной Никитишной — наши тоже жилички — успели рассориться из-за того, чью плюшку лейтенант должен кушать.

А пока, значит, гость кушал, мы его расспрашивали, как там происходило на фронте. Лейтенант всё объясняет толком: из чего, куда стреляют на войне, какие бомбы сверху мечут, какие снизу наподдают, какие посерёдке взрыв дают. И, между прочим, рассказал, что немцы любили всюду тыкать эти, значит, свои мины. И на дорогах мины, и в поле мины, и в дом войдёшь — опять всюду мины: под столом — мина, на кровати — мина, штаны лежат, а в штанах — опять мина. А из себя, говорит, мины — такие аккуратненькие круглые коробочки. Железные. Такие они — плоские и с пупочкой посерёдке.

А лейтенант, значит, запихал в рот остатки восьмой плюшки и пошёл в город погулять. А свои вещички он свалил у нас в коридоре.

Хорошо. Только проживает у нас в квартире такая девица — Феня Карякина. По своему любопытству она держит первенство во всём квартале. И, конечно, как только лейтенант ушёл, Феня сразу шасть к его вещам. Чемодан потыкала пальцем и взялась за мешок. Ну, редкий доктор так ощупывает больного, как наша Фенька мяла этот мешок. И, главное, как доктор, наощупь определяет, что в этом мешке внутри лежит.

— Носки,— говорит,— ещё носки... гимнастёрка... одной пуговицы на ней нехватает... табак... мыло... теперь портянки пошли... свиная тушонка... А дальше — что-то интересное. Определённо трофейное... Определённо круглое и определённо с пупочкой...

Сказала про пупочку и зашлась:

— Граждане! Учтите: в мешке — мина!

Теперь-то я вам могу сказать: этот лейтенант там, на фронте, опростал коробку из-под мины и сложил в неё пуговки, иголки, нитки, крючки... Но нам-то лейтенант это всё объяснил уже вечером.

А как Фенька стала кричать: «Мина! Мина!»,— то Марья Павловна с Анной Никитишной пощупали мешок и тоже лепечут:

— Граждане, она! Спасайся, кто может!..

Да мало того: взяли да и кинули мешок подальше от себя. Пуговицы в коробке ка-ак загремят... Мы все — кто куда!.. Кто — на пол, кто — за корзину, а такой у нас есть жилец — Пахомов, солидный человек при бороде и часы носит по-старинному: на цепке через живот,— этот как махнёт на шкаф и оттуда подаёт команду:

— Ложись!

Вот расползлись мы все, будто раки, зажмурились и ждём, когда мина начнёт стрелять. А она, между прочим, притаилась и не стреляет. А мы лежим. А она не стреляет.

А меня самоё кинуло с испугу на что-то мягкое. Да глаза-то у меня закрыты, чего такое подо мной, я не вижу... Но, чую, дюже оно трясётся.

После уж приоткрыла я один глазок, смотрю: ан это я взгромоздилась на нашу тоже жиличку Селезнёву. И видать, совсем ей худо, Селезнёвой, поскольку во мне на сегодняшний день живого весу сто сорок кило без тары.

А вскорости тут застонала Марья Павловна:

— Пусть уж лучше она сразу бабахнет, а то я себе бок отлежала... Ой!..

Пахомов со шкафа спускает директиву:

— Тихо! Перевернитесь, только осторожнее. Она может взорваться от детонации.

Мы все ворочаемся на своих местах, я хочу тоже съехать с этой Селезнёвой на пол, вдруг она мне говорит:

— Куда вы, голубушка?.. Разве вам на полу будет удобнее, чем на мне? Лежите, милости просим!

Понимаете? Сама задыхается от моих ста сорока кило, а хочет, чтобы я её прикрывала от взрыва...

А Пахомов со шкафа спускает директиву:

— Давайте, проверим, нет ли в ней часового механизма... Помолчите, гражданки! Послушаем, тикает она или нет?

Примолкли мы все. Пахомов заявляет:

— Так и есть! Тикает. Слышите?

А Марья Павловна ему:

— Это не мина тикает, а я тикаю как инвалид психической группы...

Все зашевелились, а Феня говорит:

— Мне давно надоело лежать. Мне, во-первых, почему-то мокро...

А ещё бы не мокро: когда Фенька нащупала мину, то Анна Никитишна как раз наливала чайник. И она не завернула кран, по коридору уже ручей текёт...

Ну, стали мы подыматься. Пахомов тоже полез вниз со шкафа. На всякий случай он глядел всё время на мину. И потому зацепил ногою картонку, которая стояла на шкафу. Картонка ка-ак грохнется вниз...

Мы опять все носами об пол.

А Пахомов открыл дверь шкафа и нырь туда...

Но, между прочим, взрывов нет и нет. Феня хлюпается в своей луже и кричит:

— Придумала!.. Давайте мы и её зальём водой!..

Ну принесли все вместе двадцать вёдер воды и вылили на мешок. А сами соображаем: куда звонить насчёт этой мины: кто говорит — в уголовный розыск, кто — в скорую помощь... Марья Павловна говорит:

— Позвоните моему врачу — невропатологу.

А я тем временем на цыпочках к двери и — в домоуправление.

...Прихожу, говорю:

— Так и так. Идите в нашу квартиру мину укрощать.

Из домоуправления дали мне одного товарища — тоже фронтовика с медалями. Выспросил он всё и смеётся. Я ему:

— Напрасно, — говорю, — вы зубы скалите. Может, мы придём, а она там из наших жильцов накрошила винегрет с подливкой...

Вот мы входим в наш подъезд, а навстречу нам по лестнице спускаются Марья Павловна, Анна Никитишна, Пахомов, Селезнёва, Феня... И все — с вещами, с авоськами.

— Вы куда?!

Марья Павловна говорит:

— Лично я еду в Тулу к племяннице жить навсегда...

Так верите ли? Их теперь даже малые детишки в нашем переулке дразнят:

— Тётенька, расскажи, как ты от коробки с пуговицами хотела эвакуироваться в Ташкент.

А ничего тут смешного нет. Чистый был ужас. Треволнение.

В. АРДОВ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Он верил в переселение душ на дачу.

Двугорбому верблюду одногорбый верблюд кажется калекой.

У неё была осиная талия и такой же характер.

Не считай себя солнцеподобным только потому, что на тебя нашло затмение.

Обилие пальм делало курорт похожим на вестибюль гостиницы.

Сена в городе не было, и извозчик кормил лошадь соломенными шляпками.

Гора с горою не сходится. А альпинист с альпинисткой?

Годы обогатили его не только опытом: у него прибавилось и серебра в бороде и золота — во рту.

Под псевдонимом «нагревательный прибор» скрывался, как выяснилось, самый обыкновенный электрочайник.

Критик категорически утверждал, что пятидесятилетний беллетрист Н. «ещё растёт».

Спектакль был из тех, которые следовало бы ставить при спущенном занавесе.

— Удивительная вещь: ткань с разводами, а брак!

Комар в твоей комнате страшнее льва, который в Африке.

Сосна полагала, что самые важные шишки — сосновые.

Забытый писатель искал забвенья в вине.

М. ЯКОВЛЕВ

ЗНАКОМАЯ КАРТИНА

Рис. Л. Бродаты

— Видать, что Куинджи с натуры эту дачную местность писал. Хлебного ларька нет, керосиновой палатки нет, колодца нет... Точь-вточь наша дача!

ПО ПОВОДУ

Открывалась новая пивная...
Отчего ж заминка, не пойму.
От жары и жажды изнывая,
Я вошёл с вопросом: «Почему?»

И тотчас же получил толковый,
Точный, вразумительный ответ:
— Да ещё таблички не готовы:
«Пива нет».

П. КАРАБАН

ГРАФИК ЛЬДОЗАГОТОВОК

Рис. Е. Евгана

Лёд уже идёт.

Лёд ещё не пришёл

Ландышевые капли

Он и она долго стояли в очереди у закрытых дверей начальника городской станции.

Он руководящий областной работник торговли Кошелев. Она студентка и притом весьма миловидное создание.

Он, Кошелев, возвращался из командировки домой. Она, Ксана Гай, после зачётов выезжала к себе на родину.

Из дверей начальника городской станции выходили люди большей частью с тоской во взоре: билетов они не получили. Ни на кого не глядя, они стыдливо запихивали в карманы неоправданные записки и «брони» и уходили в неизвестном направлении.

Кошелев иронически посматривал на неудачников, он был уверен, для него билет приготовлен. Ему нечего бояться закрытых дверей. Он гордо оглядывался вокруг и, наконец, вгляделся в чёрные очи Ксаны, стоявшей впереди него. Очи были печальны. Сердце Ксаны было испугано унылым видом лиц, не получивших билета. Ей бы хоть жёсткое плацкартное...

— Что у вас?—ласково спросил Кошелев.

— Ничего особенного, просто записка...

— Попробуйте... может, что-нибудь выйдет,— сказал Кошелев.— Впрочем, вы постойте здесь, а я попробую вас выручить...

Кошелев ушёл к телефону-автомату. Он кудато звонил, кого-то убедительно просил, что-то обещал, умолял и в заключение весело сказал:

— Спасибо, что выручил. Мне крайне необходимо. Понимаешь, старый боевой товарищ и не может выехать... Обязательно привезу. Итак, я жду бронь. Пусть твой человек подойдёт к кабинету и спросит меня.

Кошелев, ещё более гордый, вернулся к Ксане и участливо спросил:

— Ничего, что будет международный?..

— Что ж делать,—нерешительно сказала Ксана.

— Не беспокойтесь... Я знаю, какие у студентов финансы, выручим вас.

Через полчаса, вспотевший от счастья, Кошелев вручил Ксане билет в международный вагон первого класса.

— Как я вам благодарна,—сказала Ксана,— так хочется уехать!

— Всегда готов... так сказать. Смотрите, не опоздайте. Нам придётся быть соседями.

Он машинально втянул свой живот, чтобы казаться хотя бы чуть-чуть изящней и тоньше.

Они расстались, чтобы встретиться в вагоне. До отхода поезда Кошелев принял некоторые организационные меры.

«В вагон-ресторан не пойдёшь с ней... Во-первых, там особторговские цены. Эти цены мне известны,—размышлял Кошелев,—а, с другой стороны, надо».

Кошелев подсчитал свои финансы и решился:

— Истрачу на неё рублей шестьсот—и хватит.

Он купил немного вина, конфет, закусок-деликатесов и флакон одеколона. Затем сбегал в парикмахерскую, свеже выбрился, сделал себе массаж лица и в заключение купил шёлковые носки в клетку.

— Всё-таки двое суток вместе,—подбодрял себя Кошелев.

За десять минут до отхода поезда явилась Ксана. Счастливая и довольная, она вошла в купе.

— Ой, как здесь хорошо! Первый раз в таком вагоне.

Кошелев кивнул на приготовленный им букет цветов (букет был куплен у самого вокзала вне плана).

— Ещё раз большое спасибо,—сказала Ксана и бросила на Кошелева нежный взгляд.

— А где же ваши вещи?—спросил Кошелев.

— А там, на вокзале, я давно приехала.

Ксана улыбнулась и побежала за вещами.

Через несколько минут в купе вошёл носильщик и с огромным трудом поставил наверх в багажник тяжёлый чемодан-сундук, за ним такой же поменьше. Вслед за чемоданами появилась полная пожилая дама в чёрном летнем пальто и в чёрной соломенной шляпке.

Дама дышала с таким же трудом, как и запыхавшийся носильщик.

— Позвольте...—сказал потускневший Кошелев,—это место занято.

— Знаю,—любезно сказала дама.—Но мы поменялись с одной девушкой... Я человек больной, у меня нервы... мне нужен покой. Она была так любезна и сама перешла в мягкий. Хорошая девушка,—заметила дама,—она вас так хвалила.

Рядом с цветами дама поставила две бутылочки с лекарством, и в купе сразу воцарился запах ландышевых капель.

Лицо Кошелева сначала покрылось мертвенной бледностью, затем оно позеленело, потом пожелтело, после чего украсилось разноцветными пятнами.

— Боже мой,—воскликнула дама,—у вас такой плохой вид!.. Примите вот эти ландышевые капли. Обязательно. Я вам сейчас накапаю.

Кошелев подумал: «Эх, всё равно!»—и залпом выпил невкусную жидкость...

М. ЭДЕЛЬ

РАССКАЗ О НЕКОЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ РАЙСОВЕТА, ПРЕВРАТИВШЕМСЯ В АНАХОРЕТА

Он клялся нам и божился нам,
Что будет внимателен и старателен,
Что все свои силы отдаст сполна
Заботам о жизни своих избирателей.

И мы сказали: «Быть по сему!
Радует нас обещание это!» —
И вместе с цветами вручили ему
Мандат председателя райсовета.

И начал он, засучив рукава,
С азартом бороться за наши права.

Он полным ходом пошёл вперёд...
Подняв строительную кампанию,
Соорудил за какой-нибудь год
Новую крышу над дряхлой банею;

Покрасил пожарную каланчу,
На улицах вырубил клён и тополь,
Сломал полдюжины ветхих лачуг
И кое-где мостовую заштопал.

Но только на это его и хватило:
Он быстро лишился страсти и пыла.
Устроив на тёпленькие места
И ближних родственников и дальних,
В совет заглядывать перестал
Уже опочивший на лаврах
«начальник».

А дальше пошло всё хуже и хуже,
Взор потускнел, и усы обвисли.
Был он у нас государственным мужем,
А стал лишь мужем в обычном смысле.

Для дачных прогулок жене и сыну
Подарил он общественную машину.

В уютных покоях уединясь,
Бывший трибун превратился
в затворника
И вместо широких народных масс
Видит в окно одного лишь дворника!

Сергей ШВЕЦОВ

Грустная весть чёрной птицей облетела каспийские суда и порты. Сомнений не было, да и быть как будто не могло: факт сообщался официально, с глубоким прискорбием. И, вспоминая ушедшего друга, старые моряки сокрушённо качали головами:

— Эх, славный был капитан Али-Бала! Замечательный капитан!

Рассуждали о бренности человеческой жизни. Вот всего каких-нибудь пять дней назад видели его в полном здравии и превосходном расположении духа, а нынче... Был человек— и нет человека. А главное, какой человек был! Кто не знал Али-Бала Раджабова, старейшего капитана Каспия?!

Низкий, протяжный гудок, возникнув где-то совсем рядом, торжественно проплыл над улицами большого портового города. Старые моряки, только что вспоминавшие о покойном капитане Раджабове, прислушались и, разом сорвавшись с места, побежали на пристань. Танкер «Иосиф Сталин», вернувшийся из очередного рейса, медленно подходил к причалу.

— Да, всего каких-нибудь пять дней назад,— уныло повторил седой штурман, давнишний друг Раджабова,— был человек и... Чур меня, чур! Братцы, или мне мерещится или это привидение стоит на капитанском мостике?!

...После того как танкер пришвартовался к причалу, моряки долго душили в объятиях, тискали и ощупывали со всех сторон весьма плотное по комплекции «привидение», оказавшееся живым во плоти капитаном Раджабовым. А сам он никак не мог взять в толк, почему его прибытие вызвало такую шумную сенсацию, пока кто-то не сунул ему в руки газету, зачитанную до дыр. Это был номер центральной газеты «Морской флот» от 28 мая с некрологом, посвящённым Раджабову.

В некрологе было ясно и вразумительно написано, что Али-Баба Раджабов — старейший капитан Каспия; что он умер; что задолго до этого прискорбного события он родился в семье боцмана, а сравнительно незадолго стал Героем труда; был награждён орденами Ленина и Трудового красного знамени, медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией»; словом, пройден благородный жизненный путь, и — спи с миром, незабвенный товарищ!

Старейший капитан Каспия надвинул на лоб фуражку и молча зашагал домой, сопровождаемый целою толпою сочувствующих.

Прошло ещё несколько дней. И только на десятый день после опубликования печального некролога редакция «Морского флота» решила публично признать «воскресение» капитана Раджабова. 7 июня в газете появилась коротенькая, стыдливая поправка:

«...В № 42 нашей газеты ошибочно напечатано: «Али-Бала Раджабов». Следует читать: «Гаджи Ага Раджабов, капитан теплохода «Москва». Редакция приносит извинение капитану теплохода «Иосиф Сталин» тов. Али-Бала Раджабову».

В общем, как сказал поэт, «спящий в гробе, мирно спи, жизнью пользуйся живущий».

Надо думать, что каспийские моряки будут чувствительно благодарны ответственному редактору «Морского флота» тов. А. И. Валуйскому за любезное разъяснение. Но им всё-таки придётся поломать голову над хитрой загадкой: если вместо одного имени в некрологе «следует читать» другое и вся ошибка заключалась только в перепутанных именах, то как же в таком случае «следует читать» биографию другого Раджабова?

До сих пор нам ещё не приводилось слышать, чтобы биографии двух однофамильцев были схожи между собою, как две капли несвежих редакционных чернил...

М. ЛЬВОВ

НА ЧУЛОЧНОЙ ФАБРИКЕ

Рис. А. Пахомова (Ленинград)

— Эх, много ихнего брата в эту паутинку попадаются!..

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ЕДИНСТВЕННОЕ МЕСТО

— Где в этом городе можно выпить? — спросил путешественник, выходя из автобуса в маленьком нефтяном городке в штате Оклахома.

— Видите этот шляпный магазин рядом с депо? — спросил его шофёр автобуса.

— Не хотите же вы сказать, что здесь продают виски в шляпном магазине?! — удивился путник.

— Нет, я хочу сказать, что это — единственное место во всём городе, где не продают виски, — пояснил шофёр.

О ШТОРМАХ И ЯКОРЯХ

Старый морской волк испытывает молодого моряка:

— Что вы будете делать, если вдруг налетит ужасный шторм с правого борта?

— Брошу якорь, сэр.

— А если другой шторм ударит с кормы?

— Брошу другой якорь, сэр.

— А если более сильный шторм налетит спереди?

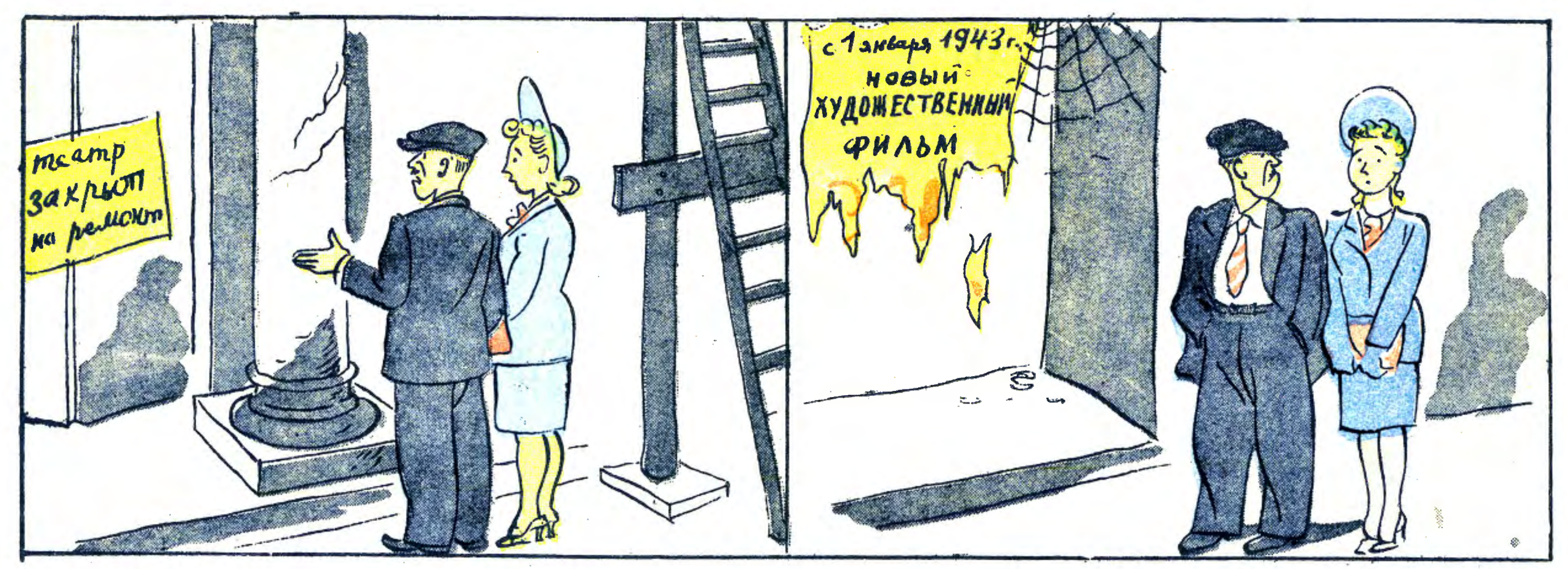
— Брошу ещё один якорь, сэр.

— Постойте, откуда вы берёте все ваши якоря?

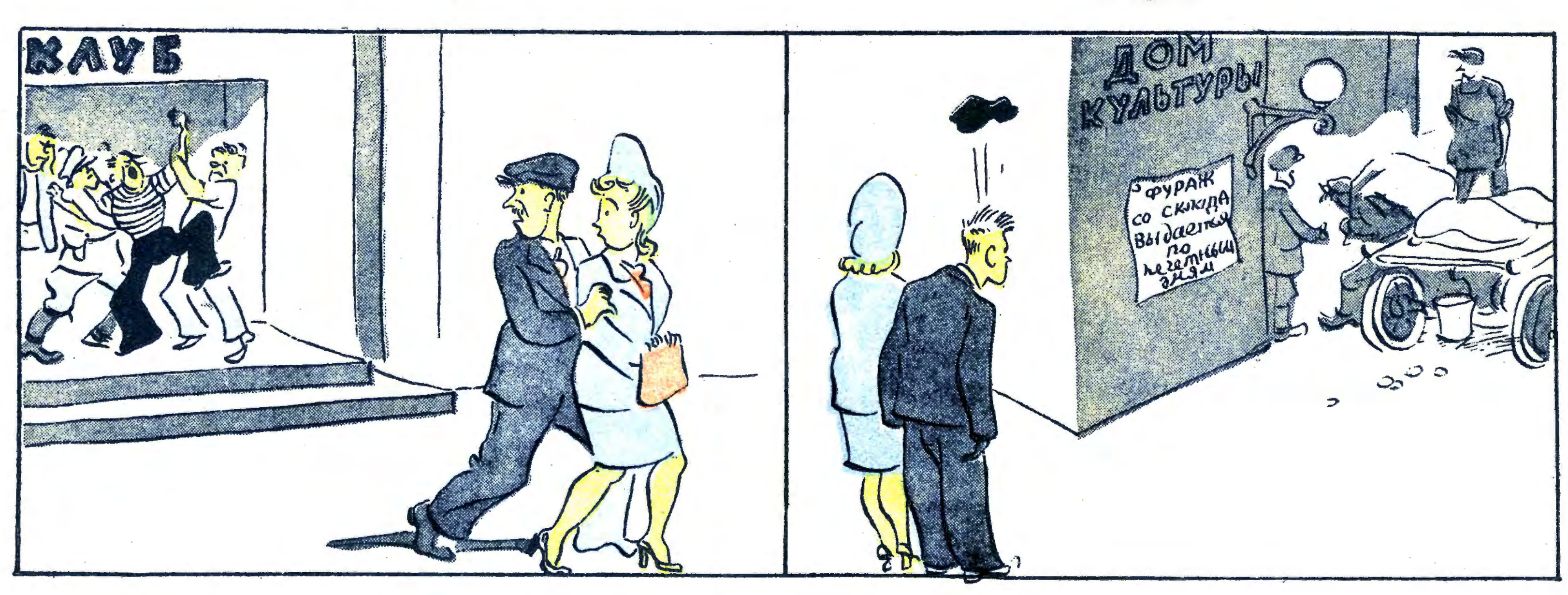
— Оттуда же, откуда вы берёте все ваши штормы, сэр.

КУДА ПОЙТИ СЕГОДНЯ
(Периферийные картинки)

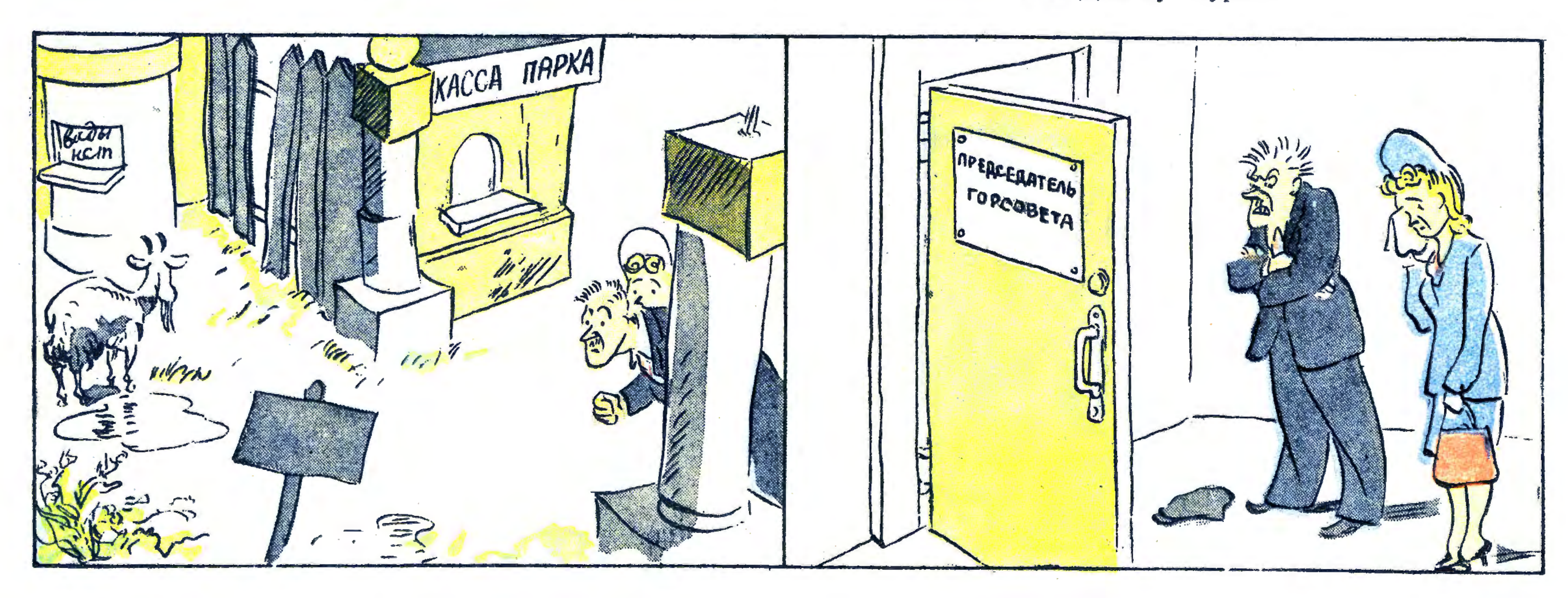
Рис. Бор. Ефимова

— В театр? — В кино?

— В клуб? — В Дом культуры?

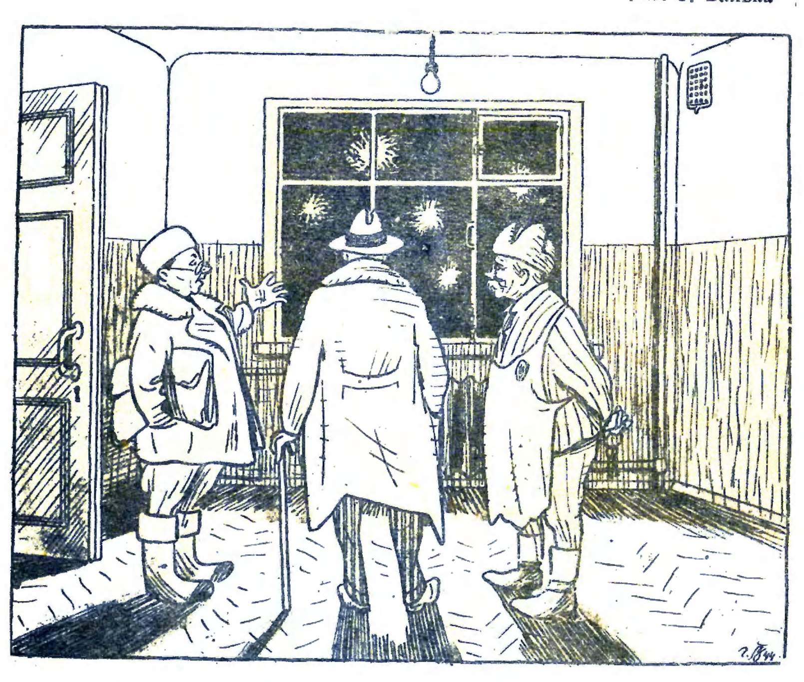

— В парк?

— Нет, остаётся только пойти к председателю горсовета и спросить: куда же пойти сегодня?

ХОРОШИЕ ВИДЫ

Рис. Г. Валька

— Рекомендую эту жилплощадь: отсюда дивный вид на салют.

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Ну как не проронить слезу! Да что слезу!.. Потоки слёз готовы низвергнуться при виде этой жуткой картины—мчащейся по улицам Грозного машины «скорой помощи» и в ней... Но нет, не может быть!.. Какой ужас!.. В ней сам председатель горсовета Матишев.

Что случилось с главой города? Какая стряслась беда? Нужно призвать на помощь всё мужество. Привести в порядок нервы. Может быть, на сей раз минует горе!

И вправь: на сей раз всё обошлось благополучно. Просто председатель горсовета Матишев за неимением других средств сообщения едет с работы домой в автомобиле «скорой помощи».

Будучи, повидимому, человеком инициативным, он приспособил этот вид транспорта для собственных нужд и сравнительно удобно и быстро совершает поездки по городу. Причём, чтобы быть абсолютно правдивым, нужно заметить, что тов. Матишев пользуется только машиной, отказавшись от услуг медицинского персонала.

А ведь мог бы сделать так, чтобы его вносили в машину на носилках санитары и сопровождали на всякий случай врач и медсестра.

Уж если пользоваться услугами «скорой помощи», так пользоваться! Зачем стесняться?!

«ПРОСЯТ НЕ ВЫРАЖАТЬСЯ»

Не умеют у нас ценить красочное слово, колоритное выражение, сочный эпитет.

Работающий на куйбышевском заводе № 1, в отделе подготовки кадров, инструктор Мочалов щедро пересыпает свой разговор фразами, которые в просторечии называются трёхэтажными.

Казалось бы, надо всячески поощрять мастеров слова, дать им высказаться, развернуться, а сотоварищи Мочалова, работающие с ним в одном цеху, не понимают силы мочаловского словаря и жалуются, что любителя трёхэтажного языка «не смущает и присутствие женщин».

Человек старается, с трёхэтажных фраз переходит к четырёх- и пятиэтажным, скоро он дойдёт до небоскрёбов, а недопонимающие возмущаются!

Доколе же работники и работницы отдела подготовки кадров куйбышевского завода № 1 будут обижаться на человека, который изо всех сил пытается возможно больше расцветить и разукрасить свою речь?

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Кировский областной земельный отдел затребовал от меня сведения по проверке семенных фондов картофеля. Это очень хорошо. Но пожелал иметь эти сведения к 10 января. И это совсем нехорошо. Уж очень жёсткие сроки. До того жёсткие, что я просто растерялся.

Ну как мне выполнить к сроку это задание, если письмо из земотдела было отправлено в феврале, а сведения требуются обязательно в январе?!

Как известно, 1944 год — високосный. Но не настолько, чтобы в нем было два января.

Л. ИЛЬЮШЕНКО,
главный агроном

с. Висерово,
Кировской области.

o

Товарищ Крокодил!

Сначала у меня пропал багаж. Это было в апреле прошлого года. О своей беде я написал в Москву, в транспортную прокуратуру. Оттуда моя жалоба с документами была переслана прокурору Кировской дороги. Была переслана и пропала неизвестно где.

Дважды я писал в дорожную прокуратуру, дважды напоминал о себе. Мои заявления, как ты догадываешься, также пропали, так как ни на одно из них я ответа не получил.

Я снова обратился в Москву, в транспортную прокуратуру: помогите, мол, и посоветуйте, что мне раньше разыскивать: мой багаж или мои заявления.

Увы, и это письмо постигла та же печальная участь, так как прошло полгода и из прокуратуры ни слуху, ни духу.

После всех этих пропаж у меня пропала всякая надежда добиться толку, и я взываю к тебе за помощью.

Надеюсь, дорогой Крокодил, за тобой не пропадёт.

Капитан Я. СОРОКИН

Полевая почта 05851.

o

Дорогой Крокодил!

Помоги! Выручай! Наш райторготдел задал нам такую задачу, что даже мы, учителя со стажем и опытом, не можем её решить. Недавно райторготдел прислал для учащихся два талона: один — на пудру, а другой — на крем для лица. С какой целью решил райторготдел обеспечить школьников столь остродефицитными предметами? Чтобы повысить успеваемость учащихся? Или улучшить посещаемость школы? Едва ли...

Есть одно небезосновательное предположение, что пудра прислана в школу как раз кстати: ею можно будет прикрыть на лицах школьников краску стыда за взрослых дядей из торготдела. Но зачем тогда прислан ещё крем для лица?

Л. МИРОНОВА, К. ЯРОШЕНКО, Н. БАРАНОВА, К. СУЛЕМА

Ново-Вознесеновка,
Киргизия.

Рис. К. Елисеева

— А ведь кондуктора в трамваях меньше стали грубить!
— Да что вы?
— Конечно! Ведь трамваев-то в нашем городе всё меньше и меньше ходит.

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда".

Москва. Изд. № 213. Подп. к печати 23/III 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 5120 Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул «Правды», 24. Заказ № 644. Тираж 100 000 экз.

Рі Л. Бродаты

Эх, тачанка — ростовчанка,
Киевлянка,
Гомельчанка,
Новгородчанка,
Кировоградчанка,
Уманьчанка,
Херсончанка и т. д.

(Продолжение см. в очередных сводках Совинформбюро).